

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дашковский П. К.</i> Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация	7
<i>Суслова С. В., Донина Л. Н.</i> Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования	40
<i>Подушкин А. Н., Стамкулова Г. А.</i> Погребальные сооружения и археологические комплексы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2022 г.)	59
<i>Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н., Горлышкин Н. Е.</i> К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в Кузнецкой котловине в конце XVII — начале XVIII в.	74

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Альбедиль М. Ф.</i> Непал: этноконфессиональная мозаика.....	97
<i>Досмурзинов Р. К.</i> Обычай давра в похоронной обрядности казахского народа.....	115
<i>Дробышев Ю. И.</i> Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г.	126
<i>Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х.</i> Махр как условие заключения никаха у тюрко-татарского населения Тобольской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам метрических записей)	142
<i>Ли Хуэй.</i> Мифологическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти.....	156
<i>Сень Д. В.</i> Первый Северо-Кавказский съезд горских евреев в Нальчике (1926 г.).....	166

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Хаймурзина М. А.</i> Особенности распространения конфуцианских храмов в период чжурчжэньского государства Цзинь	183
<i>Монгуш А. В.</i> Атеистическая пропаганда в Туве как элемент государственно-конфессиональной политики СССР в 1954–1964 гг.....	198
<i>Шмакова А. С., Шутова М. А., Кравцова А. Д.</i> Трансформация статуса буддизма на Корейском полуострове в период Корё (918–1392) и первой половине Чосон (1392–1600).....	220

ДЛЯ АВТОРОВ	238
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P.K.</i> Secondary burials in the funeral rituals of Pazyryk culture of Altai: research results and interpretation	7
<i>Suslova S.V., Donina L.N.</i> Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research	40
<i>Podushkin A.N., Stamkulova G.A.</i> Funeral structures and archaeological complexes of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials from excavations in 2022)	59
<i>Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N., Gorlyshkin N.E.</i> On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya river basin in the Kuznetsk basin at the Late 17 th and Early 18 th Centuries	74

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Albedil M.F.</i> Nepal: an ethno-religious mosaic	97
<i>Dosmurzinov R.K.</i> The Kazakh folk custom of davra	115
<i>Drobyshev Yu.I.</i> Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260	126
<i>Faizullina G.C., Kadirova E.H.</i> Mahar as a condition for concluding a nikah among the Turkic-Tatar population of the Tobolsk province in the 19 th — early 20 th centuries (based on metric records)	142
<i>Li Hui</i> The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory	156
<i>Sen' D.V.</i> I North Caucasian Congress of Mountain Jews in Nalchik (1926)	166

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Khaymurzina M.A.</i> Specifics of Confucian temples' spread during the Jurchen state of Jin	183
<i>Mongush A.V.</i> Ftheistic propaganda in Tuva as an element of the state-confessional policy of the ussr in 1954–1964	198
<i>Shmakova A.S., Shutova M.A., Kravtsova A.D.</i> Transformation of the status of Buddhism on the Korean peninsula during the periods of Goryeo (918–1392) and the first half of Joseon (1392–1600)	220

FOR AUTHORS	238
--------------------------	-----

УДК 94

DOI 10.14258/nreur(2025)2–07

*Ю. И. Дробышев**Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕЛЯХ ВТОРЖЕНИЯ ЧИНГИС-ХАНА В СТРАНЫ ИСЛАМА В МУСУЛЬМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДО 1260 Г.

О целях и планах Чингис-хана мы можем судить, главным образом, на основании тех сведений, которые сохранились в произведениях оседлых цивилизаций, столкнувшихся с монгольской угрозой в XIII в. Значительная часть этих сочинений сложилась уже после возникновения Монгольской империи, причем среди авторов было немало тех, кто служил монголам. Поэтому завоевательные замыслы монгольских вождей, в первую очередь самого Чингис-хана, нередко передаются десятилетия спустя и со значительными искажениями, когда получившиеся геополитические результаты видятся летописцам как реализованные монголами идеи мирового господства. Однако изучение немногочисленных дошедших до нас арабо- и персоязычных источников, написанных в мусульманской среде непосредственно в период монгольского натиска, т. е. до 1260 г., позволяет предполагать, что Чингис-хан отправлялся в страны ислама не ради покорения всей земли и даже не с целью подчинить себе исламский мир, а для отмщения хорезмшаху. Достигнув намеченного, он вернулся в родные степи и оставил на произвол судьбы большую часть захваченных им территорий. Проанализированные источники, как уже ставшие классическими в монголоведении, так и менее известные, также не содержат сведений о завещании Чингис-хана потомкам покорить весь мир. Эта цель была сформулирована монгольской элитой несколько позже, и Западный поход его внука Хулагу представлял собой планомерное завоевание, осуществлявшееся силами всей Монгольской империи.

Ключевые слова: мусульманская историография, монгольские завоевания, Чингис-хан

Цитирование статьи:

Дробышев Ю. И. Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 2. С. 126–141. DOI 10.14258/nreur(2025)2–07.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: altanus@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-9318-4560>.

Yu. I. Drobyshev*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)*

IDEAS ABOUT THE GOALS OF CHINGIS KHAN'S INVASION TO THE COUNTRIES OF ISLAM IN MUSLIM HISTORIOGRAPHY BEFORE 1260

We can judge the goals and plans of Chingis Khan mainly on the basis of information that has been preserved in the works of sedentary civilizations that faced the Mongol threat in the XIII century. A significant part of these works have been developed after the emergence of the Mongol Empire, and among the authors there were many who served the Mongols. Therefore, the conquering plans of the Mongol leaders, and first of all of Chingis Khan himself, are often transmitted decades later and with significant distortions, when the resulting geopolitical results are seen by chroniclers as the ideas of world domination realized by the Mongols. However, studying the few Arabic- and Persian-language sources that have come down to us, written in the Muslim environment directly during the period of the Mongol onslaught, i. e. before 1260, allows us to assume that Chingis Khan went to the countries of Islam not for the sake of conquering the whole earth and not even with the aim of subjugating the Islamic world, but to take revenge on Khorezm Shah. Having achieved his goal, he returned to his native steppes and left most of the territories he had captured to the mercy of fate. The analyzed sources, which have already become classic in Mongol studies, as well as less well-known ones, also do not contain information about Chingis Khan's will to his descendants to conquer the whole world. This goal was formulated by the Mongolian elite somewhat later, and the Western campaign of his grandson Hulagu represented a systematic conquest carried out by the forces of the entire Mongol Empire.

Keywords: Muslim historiography, Mongol conquests, Chingis Khan.

For citation:

Drobyshev Yu. I. Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260. Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30. No 2. P. 126–141 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)2–07.

Drobyshev Yuliy Ivanovich, PhD (History), Senior Researcher at St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** altanus@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-9318-4560>.

Введение

Покорение монголами Ближнего и Среднего Востока в XIII в. осуществлялось в три этапа:

- 1) поход Чингис-хана (1162? — 1227) против Хорезма в 1219–1224 гг.;
- 2) военные операции нойонов Чормагана, Байджу, Эльджигидея и Ясагура в 1230–1240-е гг.;

3) разгром внуком Чингис-хана Хулагу (1217–1265) исамитов и Аббасидского халифата в 1256–1258 гг., а также его походы в Сирию.

Приход на Ближний Восток Хулагу как законного и полновластного правителя и создание Ильханата (1258–1335) закрепили порабощение монголами значительной части мусульманского мира. В результате возникает иллюзия, будто кочевники изначально имели широкомасштабные захватнические планы и целенаправленно их реализовывали. Это впечатление усиливается трудами важнейших персидских историков на монгольской службе — Ата-Мелика Джувейни (1226–1283), Рашид ад-Дина Хамадани (1247–1318) и Вассафа (1265–1329), а также более поздней мусульманской историографией. Однако обращение к ранним источникам позволяет увидеть процесс монгольской инвазии в другом свете и прийти к иным предположениям.

Чингис-хан и монголы в мусульманской историографии

Известно чуть больше десятка мусульманских интеллектуалов — современников вторжения войск Чингис-хана в империю хорезмшахов, свидетельства которых дошли до наших дней. Часть этих материалов широко известна и давно используется историками, часть привлекается гораздо реже. Между тем именно здесь, по нашему мнению, и следует искать ответ на вопросы, какие цели преследовал великий завоеватель и действительно ли он хотел поставить на колени всю вселенную. Емкий обзор этих источников опубликовал П. Джексон [Jackson, 2017: 16–22]. Для решения поставленной задачи мы остановимся на нескольких из них.

Максимальной полнотой и обилием подробностей отличаются сочинения Иззудина Абу-л Хасана Али ибн Мухаммада ал-Джазари, более известного как Ибн ал-Асир (1160–1233), Шихаб ад-Дина Мухаммада ибн Ахмада ибн Али ибн Мухаммада ан-Насави (? — 1249/1250) и Абу Омара Минхадж ад-Дина Османа ибн Сирадж ад-Дина Джузджани (1193 — после 1260). Ввиду того, что все три перечисленных историка писали свои труды на неподвластных монголам землях, их оценки как самих монголов, так и их вождей предсказуемо негативны, однако это обстоятельство дает и некоторую надежду на толику объективности, которую трудно ожидать от придворных летописцев. Правда, Джузджани даже нашел возможным сказать несколько слов и о достоинствах Чингис-хана, которого, впрочем, он неизменно именуется «проклятым» (*mal'ūn*).

О намерениях Чингис-хана мы можем судить как по его собственным словам, приводящимся в исторических произведениях, так и путем анализа его военных кампаний. Первый способ подкупает кажущейся аутентичностью, но даже если бы в нашем распоряжении оказались указы Чингис-хана, написанные его собственной рукой, это не дало бы гарантии того, что задумывалось именно то, что провозглашалось. Однако таких указов нет, а есть лишь переложения ханских слов, в близости которых к оригиналу нельзя ручаться, тем более, что сохранились они в переводах на другие языки — в данном случае на арабский и персидский. Второй способ надежнее, хотя и он не может вполне отразить замыслы Чингиса, поскольку достичь желаемого было непросто даже такому великому стратегу, как он. Совмещение обоих подходов обещает приблизить нас к пониманию истинных целей Чингис-хана. Итак, попытаемся извлечь необходимую информацию из трудов перечисленных выше историков, а также ряда других, и сопоставим ее с теми сведениями, которые к настоящему времени накоплены наукой.

Анализ историографического наследия этих авторов позволяет предположить с большой долей вероятности, что целью Западного похода Чингис-хана был разгром государства хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231), а не завоевание «всего мира» [Ratchnevsky, 1993: 121; Morgan, 2018: 49; Kamola, 2019: 3–4]¹. При этом сложно дать однозначный ответ, кто реально спровоцировал эту войну и, вообще, можно ли было ее избежать². Мусульманские историки приводят на этот счет противоречивые сведения. Однако если решение о выступлении против хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220) было принято, резонно думать, что успешное окончание кампании должно было означать отвод монгольских войск в привычные степные ландшафты, а не перманентную оккупацию всех земель, прежде контролировавшихся хорезмшахом, так как кочевники за свою многовековую историю редко оседали на территориях земледельческих цивилизаций. По существу, так и получилось: монголы закрепились в основном в Мавераннахре, на древней границе кочевого и оседлого миров, и создали там условия для возрождения городской жизни, тогда как города Хорасана остались лежать в руинах [Ибн ал-Асир, 2006: 398]³.

Высказывания историков — современников этих событий — подтверждают региональный, а не глобальный характер стратегии Чингис-хана, даже несмотря на красноречивое свидетельство Джувейни, который приводит в своем сочинении пересказ монгольского ультиматума с претензиями на весь мир [Juvaini, 1997: 145]. На наш взгляд, в этом плане недооценено сообщение казия Вахид ад-Дина Бушенджи, взятого монголами в плен в 1221 г. и благодаря своей образованности попавшего в ближний круг Чингис-хана. По словам Вахид ад-Дина, великий хан интересовался: «Предсказал ли Мухаммад (да пребудет с ним мир!) что-нибудь относительно моего возвышения и влияния?» Среди хадисов известны те, в которых Мухаммад якобы говорил о воинственных тюрках [Зайончковский, 1966]. Казий, конечно, знал эти хадисы и вряд ли проводил различие между тюрками и монголами: «Я рассказывал ему предания [Пророка], которые передают о вторжении тюрков; и он говорил: „Мое сердце свидетельствует, что ты говоришь правду“, пока однажды, во время разговора, он не сказал мне: „Могущественное имя останется после меня в этом мире, благодаря мести Мухаммаду, Агри“ — то есть, он обычно называл султана Мухаммада, хорезмшаха, этим словом,

¹ Даже такой более поздний персидский автор, как Кади Байдави (? — 1319), включивший в 1275 г. Чингисов род в перечень династий, когда-либо управлявших Ираном, не стал приписывать Чингисхану свершений, которые ему не принадлежали, и отметил именно Хорезм как его цель: «Восьмая группа — это монголы, чей лидер и глава — Чингис хан. Он атаковал хорезмийцев в 617 г. х.; он и его сыновья управляют многими землями Хата и Тюрк. Они захватили весь Иран и подчинили его царства и царей. Из его сыновей, Хулагу хан был первым, кто правил Ираном и завоевал его территории» [Melville, 2001: 76].

² Прославленный советник Чингис-хана кидань Елюй Чуцай (1189–1243) утверждал, что мотивом похода хана на Запад была только месть хорезмшаху за гибель своего каравана: «Глава этого города (Отрара — Ю. Д.) однажды убил нескольких официальных посланников Великого двора (то есть монгольского двора) и более сотни купцов, завладев всеми их товарами. Это было единственной причиной для западной кампании» [Rachewiltz, 1962: 21]. О подоплеке этих событий и контактах между хорезмшахом и Чингис-ханом см.: [Бартольд, 1963: 460–468; Буниятов, 1986: 131–136; Тимохин, 2019: 215–251].

³ См. также: [Тимохин, 2020].

а на тюркском языке агри означает разбойник⁴ — и это выражение он постоянно использовал. Он сказал: „Хорезмшах не был монархом, он был разбойником. Если бы он был монархом, он не убил бы моих послов и торговцев, которые пришли в Отрар, ибо цари не должны убивать послов”. Короче говоря, когда он спросил меня: „Разве не останется после меня могущественное имя?”, я склонил лицо до земли и сказал: „Если хан пообещает безопасность моей жизни, я молвлю нечто”. Он ответил: „Я обещаю тебе безопасность”. Я сказал: „Имя продолжает существовать там, где есть люди, но как оно будет существовать, когда слуги хана замучают и убьют всех людей, ибо кто останется, чтобы поведать историю?” Когда я закончил эту речь, Чингис-хан бросил на землю лук и стрелы, которые держал в руке, пришел в крайнюю ярость, отвернул от меня свое лицо и повернулся ко мне спиной. Когда я увидел последствия гнева на его нечестивом челе, я умыл руки моей жизни и оставил всякую надежду на существование. Я убедился в том, что пришло время моей гибели и что я должен покинуть мир от удара меча этого проклятого. Через минуту он опять повернул ко мне свое лицо и сказал: „Я считал тебя прозорливым и разумным человеком, однако из этой твоей речи мне стало очевидно, что ты не обладаешь совершенным пониманием и что разумение твое мало. Есть много государей в мире, и куда бы ни достигали копыта коней Мухаммада Грабителя, там я устрою бойню и разрушение. Остальные народы в других частях мира и правители других царств — они расскажут мою историю”» [Tabakat-i-Nasiri, 1881: 1041–1042].

К сожалению, Джузджани пересказывает немало недостоверных историй, но следующее известие ан-Насави, на наш взгляд, подтверждает слова Вахид ад-Дина: «Кыпчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа поswатанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [Ан-Насави, 1996: 213]⁵. Отсюда становятся понятными не только смысл рейда Джэбэ и Субэдэя по кыпчакским степям, но и истинная причина конфликта монголов с русскими в 1223 г. Всякий, кто прямо или косвенно оказывался на стороне Хорезма, подписывал себе смертный приговор.

До сих пор дискутируется вопрос, подталкивал ли Чингис-хана к нападению на хорезмшаха халиф Абу-л Аббас Ахмад ан-Насир Лидиниллах (1180–1225). Очевидно, такие слухи распространялись в те годы на Ближнем Востоке, тем более, что реальный

⁴ Приведем комментарий на это слово, любезно предоставленный автору настоящей статьи известным тюркологом В. В. Тишиным: «У сэра Дж. Клосона в словаре [Clauson, 1972: 90] слово *oğır* «thief», там же ссылка на работу Г. Дёрфера [Dörfer, 1965: 77–78, No 497], где слово представлено в персидском написании *یرغا* или, полнее *یرغا*. Очевидно, у Раверти (или доступной ему рукописи) неверно передан третий знак (*j* вместо *ɟ*, они отличаются только точкой, как видно), а затем первый знак, алеф, идет со стандартной огласовкой — как [a], но, скорее всего, подразумевается, что должна быть огласовка с даммой, то есть огубленный гласный (см. написания у Дёрфера). Г. Дёрфер допускает, что русское *вор* оттуда же».

⁵ Ан-Насави, по-видимому, единственный источник, сообщающий о мирных инициативах хагана Угэдэя, который якобы предлагал Джалал ад-Дину провести границу по Джейхуну (Амударье). Тот не дал никакого ответа [Ан-Насави, 1996: 224–225].

повод для этого был: вражда халифа и хорезмшаха хорошо известна. Например, Ибн ал-Асир осторожно пишет: «А говорят, что причиной нашествия татар на страну ислама было иное, о чем не повествуется в толщах [летописных] книг» [Ибн ал-Асир, 2006: 348]. В пользу подстрекательства халифом монголов к агрессии позже высказывались с большей определенностью и другие мусульманские авторы (Макризи, Ибн Васил, Абу-л Фида, Сибт ибн ал-Джаузи), однако, независимо от истинности или ложности этих слухов, речь шла об империи хорезмшахов, а не о всем мире ислама.

Возможно, быстрое падение огромной империи, многим казавшейся тогда непобедимой, укрепило Чингис-хана в мысли о своем небесном избранничестве в качестве всемирного самодержца, и после успешной хорезмийской кампании он вынашивал планы новых завоеваний [Biran, 2007: 62–63; Biran, 2021: 225; Хаутала, 2015: 393]. В пользу данного предположения свидетельствует в «Письме об образе жизни татар» венгерский монах-доминиканец Юлиан, который искал свою прародину на Волге накануне монгольского нашествия: «Тогда Гургутам (Чингис-хан. — Ю. Д.), выше-названный предводитель татар, почти повсюду полагавшийся на славные победы, выступил со всеми своими силами против персов (хорезмийцев. — Ю. Д.) по причине некоторых войн, которые ранее велись между ними. Где он одержал почетнейшую победу и полностью подчинил себе царство персов. Ободренный этим и считая себя самым сильным на земле, он стал выступать против царств с целью подчинить себе весь мир» [Хаутала, 2015: 385]. Несомненно, предпосылки к таким умозаключениям у Чингис-хана были, но другие синхронные источники не подтверждают наличия у него соответствующих планов, если не считать один любопытный рассказ Джузджани. Однажды, после погрома на землях чжурчжэньского государства Цзинь, но еще до контактов с хорезмшахом, Чингис-хану якобы приснилось, будто он наматывает себе на голову невероятно длинный кусок материи. Для толкования сна вызвали арабского купца, и тот разъяснил, что царства ислама перейдут под власть монгольского хана. Это соответствовало мыслям самого Чингис-хана, и по этой причине было решено завоевать их [Tabakat-i-Nasiri, 1881: 974–975].

По-видимому, в Монгольской империи и за ее пределами циркулировали многочисленные рассказы о монгольских ханах, отчасти попавшие в хроники. У Джузджани и Джувеини, писавшего свою «Историю покорителя мира» примерно в те же годы, имеется несколько схожих анекдотов, но сюжет с приснившимся Чингис-хану тюрбаном у последнего отсутствует. Случайно ли это? Казалось бы, Джувеини, искавший телеологические оправдания монгольского нашествия, просто не мог не использовать его в качестве знамения, внушенного Чингис-хану Свыше. Джузджани слышал эту историю от некоего купца Ходжи Ахмада Вахши, которого он характеризует как правдивого человека⁶, а тот, в свою очередь, ссылается на каких-то «надежных людей» [Tabakat-i-Nasiri, 1881: 972–974]. Сомнения вызывает то, что Чингис-хан, который, судя по словам рассказчика, к тому моменту четыре года воевал в Северном Китае (значит, собы-

⁶ Надо заметить, что Джузджани практически всех своих информаторов называет «заслуживающими доверия», однако достоверность передаваемых ими сообщений нередко вызывает серьезные сомнения.

тие можно датировать 1214 г.) и еще никогда не видел человека в тюбране. Известно, что уже в самом начале XIII в., когда он даже не был всемонгольским ханом и звался Тэмучжином, при его особе были преданные ему мусульмане, из числа которых, согласно скрупулезному исследованию Ф. В. Клива, можно уверенно назвать по меньшей мере Джафара-ходжу [Cleaves, 1955: 402]. Еще один его соратник — Данишманд-хаджиб, сопровождал Чингис-хана в походе против хорезмшаха [Juvaini, 1997: 99]. В анонимном «Сокровенном сказании монголов», основная часть которого была закончена, видимо, к 1240 г., упоминается «туркестанец Асан», скупавший в 1203 г. в Монголии меха и встретившийся с Тэмучжином [Козин, 1941: § 182]. Конечно, с одной стороны, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, как одевались эти люди и подражали ли они Пророку в ношении тюбрана, а с другой, у Джузджани можно найти немало рассказов, фантастичность которых легко доказуема. Наконец, если уж верить этому анекдоту, то получается, что в окружении Чингис-хана уже хорошо знали, кто носит подобные головные уборы, и сразу обратились к купцу-арабу.

Все названные авторы застали второй этап монгольской экспансии на земли ислама, импульс которому дал новый глава Монгольской империи — хаган Угэдэй (1229–1241), отправивший на Ближний Восток нойона Чормагана с большим войском. Например, Ибн ал-Асир цитирует письмо, присланное в Мосул из Табриза неким купцом, который бежал туда от Чормагана. В нем подчеркивается, что на этот раз «татары» собираются не просто грабить, а завладеть мусульманскими странами: «Да проклянет Аллах неверного! Не можем мы описать ни его, ни многочисленную рать его, дабы не надломились сердца мусульман; поистине (это) дело ужасное, и не думайте про тот отряд, который приходил к Нисибину и Хабуру, да про другой отряд, приходивший к Ирбилю и Дакуке, что цель их — грабеж. Они хотели только узнать: есть ли в крае, кто их может отразить, или нет. Вернувшись, они сообщили своему царю, что в стране нет защитников и отражателей и что край без царя и без войск. Жадность их усилилась, и весной они нагрянут на вас, и у вас не останется (другого) места пребывания, как в странах Запада. Ведь они намерены завладеть всеми землями. Охраните души ваши» [История Казахстана, 2005: 63]. Однако ни один из названных авторов не пишет о глобалистских планах самого Чингис-хана, которые он воплощал при жизни или завещал осуществить своим сыновьям. Это, впрочем, едва ли препятствовало последним провозглашать, что они исполняют волю своего отца — и даже искренне в это верить.

Насколько можно судить по сохранившимся сообщениям, последние распоряжения Чингис-хана были довольно конкретны и касались текущих военных операций, а именно окончательного разгрома тангутов. Так, в описании Джузджани смертного часа Чингис-хана акцентируется его наказ искоренить этот народ: «Он (Чингис-хан. — Ю. Д.) высказал свою последнюю просьбу, сказав: «Вы обязаны убить весь народ Тингри-хана (тангутского императора. — Ю. Д.), как мужчин, так и женщин, малых и великих, молодых и старых, и не оставить ни одного человека в живых». Когда Чингиз-хан отправлялся в ад, он передал верховную власть своему сыну Уктаю (Угэдэю. — Ю. Д.); и Уктай вернулся и вырезал всех жителей города и территории Тингри-хана» [Tabakat-i-Nasiri, 1881: 1096].

Эта идея перекликается с сообщением «Сокровенного сказания монголов», где великий хан незадолго до смерти выражает свою радость по поводу того, что он «истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба» [Козин, 1941: § 268], а позже она появляется в сочинении Рашид ад-Дина в очень близком к рассказу Джужджани смысле: «Вы не объявляйте о моей смерти и отнюдь не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители Тангута в назначенное время выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте!» [Рашид ад-Дин, 1952: 233]. И действительно, в том же 1227 г. тангутское государство перестало существовать, многие (хотя далеко не все) его жители были перебиты монголами.

Помимо рассмотренных выше и широко известных сочинений арабо- и персоязычных историков первой половины XIII в., которые уже давно используются специалистами для реконструкции событий, связанных с монгольским вторжением в мусульманские страны, существуют менее известные, но тоже достаточно интересные источники. В отличие от фундаментальных трудов Ибн ал-Асира, Шихаб ад-Дина ан-Насави и Джужджани, изобилующих подробностями о монголах, они чаще всего несут фрагментарные сведения, обычно вторичные и не всегда точные, но иногда уникальные.

Одним из первых арабских авторов, упомянувших о монгольском нашествии, является врач и путешественник Абд ал-Латиф ал-Багдади, также известный как Ибн ал-Лаббад (? — 1231/1232)⁷. Сам он с монголами не сталкивался, но в своих путешествиях по Сирии и Анатолии в 1220-х гг. встречал людей, бежавших от монгольской угрозы, и записал кое-что из их рассказов. Трудно определить, кто больше приукрасил эти сведения подробностями о бесчеловечии «диких орд»: беженцы или Ибн ал-Латиф. Любопытно, что он думал, будто монголы стремились, скорее, к уничтожению богатств, чем к обладанию ими [Somogyi. 1936: 599–600]. К сожалению, его труд сохранился лишь в виде пространных выдержек в «Истории ислама» Шамс ад-Дина Мухаммада аз-Захаби (? — 1348), который оценивал его очень высоко [Cahen, 1970: 125–128; Jackson, 2017: 20].

Арабский чиновник и богослов Ибн Аби ал-Хади́д ал-Мада'ини (? — 1258) включил в свой религиозно-дидактический трактат «Шарх нахдж ал-балага» («Толкование „Путей красноречия”») заметки о монгольском нашествии, в основном заимствованные у Ибн ал-Асира. Однако есть у него и оригинальные материалы. Автор признаёт, что пытался искать информацию об этом народе и о его происхождении в «хрониках и надежных книгах», но тщетно. О планах Чингис-хана он пишет следующее: «И у него была мысль завоевать Туркестан, и это потому, что Чингиз хан был предводителем татар [пришедших] с окраин Востока, сыном их предводителя, и до сих пор его потомки правят в той стороне. Он был храбрым, умным, непоколебимым победителем в войнах. Он задумал [о завоевании Туркестана], когда увидел, что группа из татар [населявших Туркестан] не имела владений, и каждая группа из них была сама по себе. Восста-

⁷ О нем см.: [Наумкин, 2013: 5–13].

ли и завладели Туркестаном⁸. Он [Чингиз хан] завидовал тому и захотел править всем сам, любил властвовать и жаждал [захватить] города». Добившись своего, Чингис-хан стал соседствовать с владениями хорезмшаха, перемирие с которым было эфемерным «как дым» [Сайфетдинова, 2020: 381]. Ибн Аби ал-Хаид работал над этим произведением с 1246 по 1251 г. и, конечно, оценивал события 30-летней давности с высоты своего знания о современном ему положении дел на Ближнем Востоке, причем порой смешивал военно-политические реалии 1220-х и 1230-х гг., например, утверждал, что общее руководство рейда Джэбэ и Субэдэя против кипчаков осуществлял Чормаган [Les invasions mongoles, 1995: 36–37, 53]. Наверное, он также проецировал свое представление о монгольских милитаристских замыслах на эпоху Чингис-хана и приписывал ему идеи единоличной власти во всем мире, но простирались ли эти идеи дальше Хорезма, наш автор не уточняет. Помимо этого, Ибн Аби ал-Хаид сообщает уникальные сведения о бегстве Ала ад-Дина Мухаммада в Индию, очевидно, путая его с его сыном Джалал ад-Дином, и о его помешательстве: хорезмшаху якобы везде мерещились «татары» [Сайфетдинова, 2020: 382].

Сирийский чиновник и историк первой половины XIII в. Мухаммад ибн Али ал-Хамави в «Мансуровой хронике» тоже активно использует материалы Ибн ал-Асира. Он сообщает о войне Чингис-хана с хорезмшахом и дает основания видеть причину монгольского вторжения в «Отрарском инциденте», а не в жажде кочевниками мирового господства. Кратко поведав о завоевании монголами Ирана и их походе в Грузию и «северные страны», автор завершает рассказ о действиях монголов в Азербайджане и Северной Месопотамии в 1230–1232 гг. [Ал-Хамави, 1960: 136а–141а, 209а–213б]⁹.

Относительно недавно в науку введен новый источник XIII в., исходящий из кругов исмаилитов, — «Стихи о воскресении» (*Dīwān-i qā'imīyyāt*) [Ḥasan Maḥmūdī Kātīb, 2011: 212 (*qaṣīda* no. 78, v. 2286–2287), 329 (*qaṣīda* no. 125, v. 3759)]¹⁰. Ряд этих стихотворений, касающихся Чингис-хана, раскрывает дружеские отношения, которые изначально существовали между Аламутом и монголами, хотя завоеватель изображается в них орудием главы исмаилитов и подчиняется его власти, а когда начинает проявлять своеволие, то подосланные *фидай* отправляют его в ад [Jackson, 2017: 20].

Следовательно, источник говорит не о захватнических планах Чингис-хана, а о выполнении им указаний аламутского «Старца горы» (монгольская инвазия прилась на правление двух исмаилитских имамов: Джалал ад-Дина Хасана III (1210–1221) и Ала ад-Дина Мухаммада III (1221–1255)). Эта информация неправдоподобна, но современные события удостоверяют сношения исмаилитов с монголами. Так, ан-Насави пишет: «Случилось так, что султан внезапно покинул Табриз, получив неожиданное изве-

⁸ Очевидно, речь идет о найманах под предводительством Кучлука, захватившего в 1211 г. власть в государстве каракиданей. Будучи сыном разбитого монголами найманского Таян-хана, Кучлук являлся личным врагом Чингис-хана. Он враждовал с хорезмшахом, а своей резкой антиисламской политикой настроил против себя население Восточного Туркестана. В 1218 г. на его поимку был отправлен монгольский полководец Джэбэ, Кучлук бежал и был убит, в результате чего его земли, на которые также претендовал Ала ад-Дин Мухаммад, отошли к Чингис-хану.

⁹ За помощь в ознакомлении с этим источником благодарю Д. Р. Зайнудинова.

¹⁰ Об этом сборнике стихов см. также: [Jalal Badakhchani, 2011: 431–442; Sárközy, 2015: 139–152. Sárközy. The *Dīwān-i Qā'imīyyāt*].

стие о том, что татары достигли Занджана, а упомянутый (Асад ад-Дин) остался в Табризе. Когда же султан прибыл в Мукан, то получил послание Шараф ал-Мулка, в котором говорилось: „Посол Аламути написал татарам письмо, в котором было несколько разделов. В одном из них он подстрекал татар быстро прибыть [сюда]. Я перехватил это письмо и убил его, а также тех, кто был с ним”» [Ан-Насави, 1996: 257]. Ему вторит Ибн ал-Асир: «В [шестьсот] двадцать седьмом году [20.11.1229–11.10.1230] глава еретиков-исмаилитов отправил послание татарам, извещая их о слабости [сил] Джалал ад-дина, и о постигшем его поражении, побуждая их преследовать его, [воспользовавшись] его слабостью. Они гарантировали им победу над ним, [по причине] его немощи, которую [«Ала» ад-дин и ал-Ашраф] навлекли на него. ... Когда к татарам пришло письмо предводителя исмаилитов, призывавшего их к преследованию Джалал ад-дина, одна их группа поспешила [выехать] ...» [Ибн ал-Асир, 2006: 398–399]¹¹.

Любопытно, что некоторые современники наделяли Чингис-хана колдовскими способностями. Например, в анонимной персидской книге «Чудеса мира» говорится: «В это время, когда я, раб, собрал [свою книгу], в 617/1220 году, выступили тюрки-татары. Они дошли до Ирака [Персидского] и совершили бесчисленные убийства. Говорят, будто их правитель знаком с колдовством. Они заклинаниями превращают воду в лед, а на людей и неприятеля насылают ливни и грозы. Это — свойство камня, о котором будет рассказано в своем месте» [Аджаиб ад-дунья, 1993: 107]. Камень, с помощью которого якобы можно воздействовать на погоду, известен у тюркских народов под названием *йада* (*джада*); его использование зафиксировано во многих источниках [Дробышев, 2018: 86–132]. Однако о целях и планах захватчиков источник не говорит. В описании Джужджани Чингис-хан вообще предстает в обличье шамана: он впадает в транс и пророчествует, а находящийся рядом человек записывает его высказывания и потом зачитывает их ему. Чингис-хан якобы поступал согласно собственным предсказаниям, которые обычно сбывались [Tabakat-i-Nasiri, 1881: 1077–1078]. Все это далеко от истины: монгольский вождь не был практикующим шаманом и не умел воздействовать на погоду, однако несомненно, что он, подобно своим соплеменникам, систематически прибегал к нехитрому способу предсказания будущего посредством обжигания бараньей лопатки и изучения получившихся трещин¹². Это был широко распространенный в степях метод, не требовавший впадения в экстатическое состояние, призывания духов-помощников и применения прочих шаманских искусств. В планировании военных походов он играл вспомогательную роль, обнаруживая волю Вечно-го Неба в отношении предварительно принятого ханом решения.

Заключение

По результатам нашего обзора мы приходим к выводу, что ни один из современников-мусульман, чьи сочинения дошли до нас, не пишет о завете Чингис-хана своим по-

¹¹ О взаимоотношениях исмаилитов с монголами см.: [Bayarsaikhan Dashdondog, 2019].

¹² Об этом, например, сообщается в «Стеле на пути духа его превосходительства чжун-шу лина Елюй [Чу-цзя]»: «Через год умер цзиньский правитель. После этого перед каждым карательным походом [его величество] непременно приказывал его превосходительству погадать об исходе. Его величество [сам] тоже обжигал баранью лопатку для сличения [с результатами гадания его превосходительства]» [Мункуев, 1965: 71]. См. также: [Мункуев, 2023: 41].

томкам продолжить завоевания до самых пределов обитаемого мира. Ничего похожего нет и в трудах других восточных летописцев данной эпохи, из чего можно заключить, что, скорее всего, Чингис-хан не планировал подчинить монгольской власти «всю вселенную», и эта цель была приписана ему уже после его смерти. По-видимому, важнейшей причиной западной кампании монголов в 1219–1224 гг. все-таки была агрессивная политика хорезмшаха Мухаммада, а мотив мщения сменился захватническими идеями несколько позже — при хагане Угэдэе.

Благодарности и финансирование.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24–18–00407 «Завоевание мира и крах глобальной империи: монгольское нашествие в судьбах русских земель XIII в.».

Acknowledgements and funding.

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24–18–00407 «The conquest of the world and the collapse of the global empire: the Mongol invasion in the fate of the Russian lands in XIII century».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аджаиб ад-дунйа (Чудеса мира). М. : Наука, 1993. 540 с.
- Ал-Хамави, Мухаммад. Ат-Та'рих ал-Мансури (Мансурова хроника). М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 521 с.
- Ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М. : Восточная литература, 1996. 798 с.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. Т. I. С. 460–468.
- Бунятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М. : Наука, 1986. 248 с.
- Дробышев Ю. И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. М. : ИВ РАН, 2018. 264 с.
- Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XI вв.) // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М. : Наука, 1966. С. 194–201.
- Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006. 560 с.
- История Казахстана в арабских источниках. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 711 с.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
- Мункуев Н. Ц. Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люэ», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследование. Улан-Удэ : АО «Республиканская типография», 2023. 359 с.
- Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М. : Наука, 1965. 224 с.

Наумкин В. В. Предисловие. «Абд ал-Латиф ал-Багдади и его труд об аййубидском Египте // Ал-Багдади, «Абд ал-Латиф. Описание Египта начала XIII века. Книга уведомления и рассмотрения дел виденных и событий засвидетельствованных на земле Египта. М. : ИВ РАН, 2013. С. 5–13.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 2. 316 с.

Сайфетдинова Э. Г. Сведения Ибн Аби ал-Хадида о татарах // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 2. С. 378–385.

Тимохин Д. М. Ала ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг. М. : ИВ РАН, 2019. 316 с.

Тимохин Д. М. Описание судьбы городов Хорасана и Мавераннахра в годы монгольского нашествия в арабо-персидских географических сочинениях // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 100–112.

Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 495 с.

Bayarsaikhan Dashdondog. Mongol Diplomacy of the Alamut Period // Eurasian Studies. 2019. Vol. 17. P. 310–326.

Biran M. Chinggis Khan. Oxford : Oneworld Publications, 2007. 182 p.

Biran M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization // The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 220–256.

Cahen C. 'Abdallatif al-Baghdādī, portraitiste et historien de son temps: Extraits inédits de ses Mémoires [Абдаллатиф аль-Багдади, художник-портретист и историк своего времени: неопубликованные отрывки из его мемуаров] // Bulletin d'études orientales [Вестник востоковедения]. 1970. Vol. 23. P. 101–128. (на фран. языке).

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 1034 p.

Cleaves F. W. The Historicity of the Baljuna Covenant // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1955. Vol. 18. P. 357–421.

Dörfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen [Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском]. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965. Vol. 2. 671 p. (на нем. языке).

Jackson P. The Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion. New Haven; London: Yale University Press. 2017. 614 p.

Jalal Badakhchani S. Poems of the Resurrection: Ḥasan-i Maḥmūd-i Kātib and his Dīwān-i Qā'imīyyāt // Fortresses of the Intellect: Ismaili and Other Islamic Studies in Honour of Farhad Daftary. London; New York: I. B. Tauris Publishers, 2011. P. 431–442.

Juvaini, Ata-Malik. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 764 p.

Kamola S. Making Mongol History: Rashid al-Din and the Jami'al-Tawarikh. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 310 p.

Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madā'ini, 1190–1258 J. C: Extrait du Sharh Nahj al-balāgha. Paris: Editions L'Harmattan, 1995. 159 p.

Melville Ch. From Adam to Abaqa: Qadi Baidawi's Rearrangement of History // *Studia Iranica*. 2001. Vol. 30. P. 67–86.

Morgan D. O. The Mongols in Iran, 1219–1256 // *The Coming of the Mongols*. London; New York: I. B. Tauris & Co. Ltd, 2018. P. 45–53.

Rachewiltz, Igor de. The Hsi-yu lu 西遊錄 by Yeh-lü Ch'u-ts'ai 耶律楚材 // *Monumenta Serica*. 1962. Vol. 21. P. 1–128.

Ratchnevsky P. Genghis Khan: His Life and Legacy. Oxford: Blackwell. 1993. 336 p.

Sárközy M. The Dīwān-i Qā'imīyyāt and the Mongols — a Reassessment of Mongol-Nizārī Contacts in the Light of a Newly Discovered Literary Source // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fvKcDAPIZ3I> (дата обращения 02.04.2023).

Somogyi J. Adh-Dhahabī's «Tārīkh al-islām» as an Authority on the Mongol Invasion of the Caliphate // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1936. No. 4. P. 595–604.

Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-Umar-i-Uzman. London: Gilbert & Rivington, 1881. 535 p.

Sárközy M. A Dīwān-i Qā'imīyyāt hetvenötödik kaszídája és egy nizāri merénylet anatómiája [Семьдесят пятая касыда книги «Dīwān-i Qā'imīyyāt» и анатомия убийства низаритов] // *Keletkutatás. A Kőrösi Csoma Társaság folyóirata*. Budapest: Kiadja a Kőrösi Csoma Társaság [Востоковедение. Журнал общества Чома. Будапешт: Издательство общества Чома], 2015. P. 139–152. (на венгерск. яз.).

تهران دیوان قائمیات [Поэмы о воскрешении]. حسن محمود کاتب [Хасан Махмуди Катиб]. انستیتومطالعات اسماعیلی [Издательство Института исследований исмаилизма]. 2011. 632 с. (на перс. яз.).

REFERENCES

Adzhaib ad-dunja (Chudesa mira) [Wonders of the World]. Moscow: Nauka, 1993, 540 p. (in Persian and Russian).

Al-Hamavi, Muhammad. *At-Ta'rih al-Mansuri (Mansurova hronika)* [Mansur's chronicle]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960, 521 p. (in Arabic and Russian).

An-Nasavi, Shihab ad-Din Muhammad. *Sirat as-sultan Dzhalal ad-Din Mankburny (Zhizne-opisanie sultana Dzhalal ad-Dina Mankburny)* [Life description of Sultan Jalal al-Din Mankburny]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996, 798 p. (in Persian and Russian).

Bartold V. V. *Turkestan v epohu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. *Sochineniya*. Moscow: Izd-vo vostochnoj literatury, 1963, vol., 1. P. 460–468 (in Russian).

Buniyatov Z. M. *Gosudarstvo Horezmshahov-Anushteginidov, 1097–1231* [The state of the Khorezmshahs-Anushteginids, 1097–1231]. Moscow: Nauka, 1986, 248 p. (in Russian).

Drobyshev Yu. I. *Klimat i hany: Rol' klimaticheskogo faktora v politicheskoi istorii Central'noi Azii* [Climate and Khans: The role of the climatic factor in the political history of Inner Asia]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2018, 264 p. (in Russian).

Zaionchkovskii A. Stareishie arabskie hadisy o tyurkah (VIII–XI vv.) [The oldest Arabic hadiths about the Turks (VIII–XI centuries)]. *Tyurkologicheskii sbornik. K 60-letiyu A. N. Kononova* [Turkological collection. To the 60th anniversary of A. N. Kononov]. Moscow: Nauka, 1966. P. 194–201 (in Russian).

Ibn al-Asir. *Al-Kamil fi-t-ta'rikh (Polnyi svod istorii)* [The complete set of history]. Tashkent: Uzbekistan, 2006, 560 p. (in Russian).

Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh [The history of Kazakhstan in Arabic sources]. Almaty: Dajk-Press, 2005, vol. 1, 711 p. (in Arabic and Russian).

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [The Secret history. A Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941, 619 p. (in Russian).

Munkuev N. Ts. *Istochniki po istorii Mongol'skoj imperii ("Hej-da shi-lyue", glavy 98 i 99 "Yuan" shi')*: perevod i issledovanie [Sources on the history of the Mongol Empire ("Hei-da shi-lue", chapters 98 and 99 of "Yuan Shi"): translation and research]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2023, 359 p. (in Russian).

Munkuev N. Ts. *Kitaiskii istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh. Nadgrobnaya nadpis' na mogile Elyui Chu-caya* [Chinese source about the first Mongolian Khans. The tombstone inscription on the grave of Yelui Chu-tsai]. Moscow: Nauka, 1965, 224 p. (in Russian).

Naumkin V. V. Predislovie. «Abd al-Latif al-Bagdadi i ego trud ob ayyubidskom Egipte [Preface. «Abd al-Latif al-Baghdadi and his work on Ayyubid Egypt]. *Al-Bagdadi, «Abd al-Latif. Opisanie Egipta nachala XIII veka. Kniga uvedomleniya i rassmotreniya del vidennykh i sobytij zasvidetel'stvovannykh na zemle Egipta* [Al-Baghdadi, 'Abd al-Latif. Description of Egypt at the beginning of the XIII century. The book of notification and review of cases seen and events witnessed in the land of Egypt]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. P. 5–13 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei* [A collection of chronicles]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952, vol. 1, book 2, 316 p. (in Russian).

Saifetdinova E. G. Svedeniya Ibn Abi al-Khadida o tatarakh [Information of Ibn Abi al-Hadid about the Tatars]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2020, vol. 8, no 2. P. 378–385 (in Russian).

Timokhin D. M. *Ala ad-Din Mukhammad i rascvet khorezmijskogo gosudarstva: 1200–1220 gg.* [Ala al-Din Muhammad and the rise of the Khorezm state: 1200–1220]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2019, 316 p. (in Russian).

Timokhin D. M. *Opisanie sud'by gorodov Khorasana i Maverannakhra v gody mongol'skogo nashestviya v arabo-persidskikh geograficheskikh sochineniyakh* [Description of the fate of the cities of Khorasan and Transoxiana during the Mongol invasion in Arab-Persian geographical works]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies RAS]. 2020, no 3. P. 100–112 (in Russian).

Khautala R. *Ot "Davida, carya Indii" do "Nenavistnogo plebsa satany". Antologiya rannikh latinskikh svedenii o tataro-mongolakh* [From "David, King of the Indies" to "The Hated plebs of Satan". An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan': Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2015, 495 p. (in Latin and Russian).

Bayarsaikhan Dashdondog. *Mongol Diplomacy of the Alamut Period. Eurasian Studies*. 2019, vol. 17. P. 310–326 (in English).

Biran M. *Chinggis Khan*. Oxford: Oneworld Publications, 2007, 182 p. (in English).

Biran M. The Mongol Imperial Space: From Universalism to Glocalization. *The Limits of Universal Rule: Eurasian Empires Compared*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 220–256 (in English).

Cahen C. «Abdallatif al-Baghdādī, portrait painter and historian of his time: Unpublished extracts from his Memoirs [Abdallatif al-Baghdādī, portraitist and historian of his time: Unpublished extracts from his Memoirs]. *Bulletin d'études orientales* [Bulletin of Oriental studies]. 1970, vol. 23. P. 101–128 (in French).

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972, 1034 p. (in English).

Cleaves F.W. The Historicity of the Baljuna Covenant. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1955, vol. 18. P. 357–421 (in English).

Dörfer G. *Tyurkische und Mongolische Elemente im Noyperzishen* [Turkish and Mongolian elements in New Persian]. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1965, vol. 2, 671 p. (in German).

Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: from Conquest to Conversion*. New Haven; London: Yale University Press, 2017, 614 p. (in English).

Jalal Badakhchani S. Poems of the Resurrection: Ḥasan-i Maḥmūd-i Kātib and his Dīwān-i Qā'imīyyāt. *Fortresses of the Intellect: Ismaili and Other Islamic Studies in Honour of Farhad Daftary*. London; New York: I. B. Tauris Publishers, 2011. P. 431–442 (in English).

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997, 764 p. (in English).

Kamola S. *Making Mongol History: Rashid al-Din and the Jami'al-Tawarikh*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019, 310 p. (in English).

Les invasions mongoles en orient vécues par un savant médiéval arabe ibn abi l-hadid al-madā'ini, 1190–1258 j. c: extrait du sharh nahj al-balāgha [Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madā'ini, 1190–1258 J. C: Extrait du Sharh Nahj al-balāgha]. Paris: Editions L'Harmattan, 1995, 159 p.

Melville Ch. From Adam to Abaqa: Qadi Baidawi's Rearrangement of History. *Studia Iranica*. 2001, vol. 30. P. 67–86 (in English).

Morgan D.O. The Mongols in Iran, 1219–1256. *The Coming of the Mongols / The Idea of Iran*. London; New York: I. B. Tauris & Co. Ltd, 2018, vol. VII. P. 45–53 (in English).

Rachewiltz Igor de. The Hsi-yu lu 西遊錄 by Yeh-lü Ch'u-ts'ai 耶律楚材. *Monumenta Serica*. 1962, vol. 21. P. 1–128 (in English).

Ratchnevsky P. *Genghis Khan: His Life and Legacy*. Oxford: Blackwell, 1993, 336 p. (in English).

Sárközy M. *The Dīwān-i Qā'imīyyāt and the Mongols — a Reassessment of Mongol-Nizārī Contacts in the Light of a Newly Discovered Literary Source*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fvKcDApIZ3I> (accessed April 2, 2023) (in English).

Somogyi J. Adh-Dhabīb's "Tarikh al-islām" as an Authority on the Mongol Invasion of the Caliphate. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1936, no. 4. P. 595–604 (in English).

Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia Including Hindustan from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel

Mughals into Islam by Maulana Minhaj-ud-din Abu-Umar-i-Uzman. London: Gilbert & Rivington, 1881, vol. 2, 535 p. (in English).

Sárközy M. A *Te shevent' — fift kashidakh of D edinv al'zn-I K Edinii and te anatomi of a Nizari ashshashshination* [The seventy-fifth kasidah of D edinv alzn-I Q Ediniyy and the anatomy of a Nizari assassination]. *Keletkutatash. A Kereshi Choma Tarshashag foyoirata* [Oriental Studies. Journal of the Csoma Society]. Budapest: Kiadja a Kőrösi Csoma Társaság, 2015. P. 139–152 (in Hungarian).

Ḥasan Maḥmūdī Kātīb. *Dīwān-i qā'imīyyāt* [Poems of the Resurrection]. Tehran: The Institute of Ismaili Studies, 2011, 632 p. (in Persian).

Статья поступила в редакцию: 16.06.2024

Принята к публикации: 25.01.2025

Дата публикации: 30.06.2025